

Марго Тенер

ВОЛК ДЛЯ ШАРЛОТТЫ

18+

Марго Генер
Волк для Шарлотты
Серия «Пересеченные миры», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41185466

SelfPub; 2022

Аннотация

Шарлотта – белокурая девушка, которая мечтает о счастье. Но нравы в деревне суровы, ей ничего не остается, как смиренно им подчиняться. Когда над всеми нависает опасность, она, не раздумывая, отправляется в путь через самый страшный лес королевства. Терамарский лес. Но у этого леса есть хозяин. И лишь он решает, кому пройти, а кому нет. В оформлении обложки использованы фотографии с сайтов pixabay и deviantart по лицензии ССО.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	19
Глава 3	38
Глава 4	52
Глава 5	64
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Марго Генер

Волк для Шарлотты

Пролог

Солнце ползет к верхушкам разлапистых елей, разливая по облакам расплавленное золото. Ветерок шевелит волосы, и я с удовольствием подставила лицо его теплым струям.

Возвращаться от речки через главную дорогу не хотелось – из таверны по пути доносится гогот и грохот кружек. Жнецы вернулись с полей и теперь отдыхают, отводят душу, и предаются мирским радостям.

Я поправила тазик с бельем и откинула с плеча косу, которая в свете вечернего солнца кажется золотистой. Затем еще раз взглянула на главную дорогу и двинулась в обход слева.

Тропка ползла за домами, и я облегченно выдохнула, когда гогот из таверны остался позади. Обычно мужчины вели себя спокойно и не приставали к девушкам, но сегодня праздник третьего урожая, а значит будут пить больше дозволенного.

Я осторожно выглянула из-за угла и окинула взглядом улицу. На той пусто, как в пересохшем колодце. Осмелев, я выступила из тени. Мой дом находится левее по тропинке,

и чтобы добраться до него после стирки на реке приходится идти мимо таверны.

Едва я расслабилась и двинулась мимо конюшни, откуда крепко пахнет лошадьми, как свет заслонила высокая фигура. Я охнула и подняла взгляд.

Передо мной стоял высокий черноволосый мужчина тридцати лет, с крупным лицом и довольной ухмылкой.

– Пусти, Грэм, – попросила я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. – Я иду с реки, меня ждут дома. Если я не вернусь к закату, меня хватятся.

Мужчина покосился на уходящее солнце, щурясь, как кот, которому перепало сметаны, потом проговорил, складывая руки на груди:

– До заката еще минут пятнадцать.

Я попятилась, но он ухватил меня за локти и вместе с тазиком втащил в конюшню. Пытаясь вырваться, я задергалась, но его пальцы впились в кожу так сильно, что тазик вывалился и с шорохом упал в сено.

Горло перехватила паника, я прохрипела испуганно:

– Я закричу.

– Кричи, – прошептал Грэм мне прямо на ухо, опалив горячим дыханием, в котором уловила явный запах браги. – Я люблю, когда кричат.

Он прижал меня к стене, обхватив за талию. В страхе я дернулась, пытаясь высвободиться, но его рука легла мне на грудь и сжала. Из груди вырвался стон, я всхлипнула.

– Мне больно.

Лицо Грэма скривилось, но пальцы сжимать перестал. Ему явно доставляло удовольствие властвовать над слабыми, а я даже на цыпочках была меньше его.

Едва решила, что Грэм одумался, и пьяный угар выветрился из его головы, как пальцы поползли вниз по платью и остановились там, куда можно допускать лишь мужа.

– А так тебе не больно? – спросил он, выдыхая мне в рот и надавливая на самое сокровенное.

Скривившись от запаха, я задрожала, как осиновый лист. Потом вжалась в стену конюшни и стала мысленно молить богов, чтобы они вернули разум и самообладание торговцу.

– Грэм... – еле слышно пропищала я. – Ты же обещал... До свадьбы не трогать меня... Это не по закону... Ты обещал...

Его пальцы все глубже пробирались сквозь тонкую ткань платья, и я в ужасе застыла, боясь, что он нарушит обещание и опорочит меня. После свадебной ночи никто не поверит в мою невинность, если простынь останется белой.

– Грэм... Прошу... – взмолилась я. – Мои родители обещали, что выдадут меня за тебя. Не порочь меня...

Мужчина завис надо мной, жадно вглядываясь в лицо, и я поняла, что от грани, из-за которой не возвращаются, меня отделяет стена толщиной в волос. Его сухие пальцы проскользили по моей щеке, потом ухватили губу и потянули вниз.

– Чертовы правила, – прохрипел он, прижимаясь ко мне, и я вновь всхлипнула. – Ничего. Когда станешь моей женой, ты каждый день будешь раздвигать передо мной ноги. И обещаю, тебе будет это нравится.

С этими словами он грубо впился мне в губы. Я зажмурилась, чувствуя лишь ужас и зловонное дыхание после браги, а когда открыла глаза, в конюшне осталась лишь я и тазик с бельем.

Глава 1

Домой добиралась бегом, спотыкаясь и роняя таз с бельем. Солнце успело скрыться за верхушками деревьев, но в селении еще не зажгли дорожных факелов, и во мраке я постоянно натыкалась на брошенные скамейки.

В груди клокотало, сердце стучало, как у перепуганной мыши, а в носу свербел запах браги и пота. Я не знала, сколько еще торговец сможет держать обещание. Но даже если сдержит, облегчение это принесёт совсем не на долго.

С такими мыслями я неслась вверх по холму. Наконец впереди засветились окна домов, и я с облегчением выдохнула.

Мой дом, как и несколько других, принадлежащих семьям жнецов, располагается в восточной части деревни. Жнецов уважают за тяжкий труд и время от времени устраивают праздники, чтобы скрасить суровые будни пахарей. Мой отец один из самых сильных и умелых жнецов, и доход в семье есть. Даже в темноте видны цветные наличники с вырезанными на них животными.

В дом почти вбежала. И когда захлопнула дверь, прижалась к ней спиной, прикрыв веки и приводя в порядок бешено колотящееся сердце.

– Шарлотта, – раздался низкий голос отца, а я вздрогнув,

открыла глаза.

– Здравствуй, отец, – проговорила я, опуская взгляд, чтобы он не заметил моего состояния. – Я думала ты со всеми в таверне. Празднуешь день третьего урожая.

Отец, крупный, плечистый мужчина с сединой на висках и обветренным от постоянной работы на солнце лицом, сидит за столом и жуёт куриную ногу.

– Уже отпраздновал, – сказал он сквозь еду. – Пара дураков валяются в свинарнике с расквашенными носами.

– Жаль, что так вышло, – проговорила я, искренне досадуя, что такой день омрачили.

Отец хохотнул, дожевывая ногу и сказал, откидываясь на спинку стула:

– Чего жаль? Какой праздник без доброй драки? Удался, ничего не скажешь. Таверник три стула выкинул поломанных, пять бочек хмеля опустошил! А ты чего бледная такая?

Я нервно сглотнула, боясь, что проболтаюсь. Но взгляд отца стал строгим и внимательным, и я поняла – он заметил мое смятение, едва вошла.

Пришлось повиноваться.

– Ну? – потребовал он. – Говори.

– Я встретила Грэма возле конюшни, – проямлила я.

Лицо отца нахмурилось, он сжал куриную ногу так, что та поползла между пальцами, рискуя выскочить и полететь на пол.

– Чего хотел? – спросил он, и тут же ответил: – Понятно

чего. Он вел себя достойно?

В голове пронеслись образы с лицом мужчины, которое ухмыляется, а его сухие пальцы бесцеремонно сжимают мою грудь. Во рту пересохло, отвечать не хотелось, и я потупила взгляд.

Отец шумно икнул и проговорил:

– Шарлотта, дочь моя, ты ведь знаешь, что обещанная дева должна быть приветлива с названным?

– Знаю, отец, – согласилась я, хотя законы нашей деревни всегда вызывали у меня вопросы.

– И что названный должен с обещанной быть ласков.

– Да.

– Уверенна, что он не позволил себе лишнего? – поинтересовался отец, вглядываясь в меня так, словно пытается прочесть мысли.

Я судорожно соображала, что подразумевается под «приветлива» и «ласков», но твердо понимала – дозволь он себе то, о чем молчат все замужние девы, я бы это заметила.

Посмотрев на отца, я покачала головой и сказала:

– Нет. Он не сделал дурного, вроде.

Отец облегченно выдохнул и поднялся со стула. Доски пола под ним скрипнули, а отец произнес:

– Вот и славно. Грэм достойный человек. С хорошим достатком. Ты и ваши дети будут одеты, обуты и всегда сыты. Тем более, его отец родом из Неудержимых земель, что значит, их род плодовит. Уважай его.

Потом накинул сюртук и мимо меня направился к выходу. Когда дверь за ним захлопнулась, я выдохнула, плечи опустились.

В присутствии отца всегда робела и не знала, как себя вести. Хотя ко мне, как ко младшей дочери, он всегда относился хорошо и, можно сказать, баловал. Позволил не выходить за муж до восемнадцати лет. Но когда Грэм заслал свата, отказывать не стал.

Грэм всегда славился неумным нравом, затевал драки и разборки в таверне, на что отец говорил, мол, это хорошо. Горячий темперамент мужа – залог здоровых детей. К тому же он будет хорошим защитником. Сам Грэм гордился, что его уважает даже такой известный жнец, как мой отец. Мне же это замужество казалось пожизненным рабством без возможности освободиться. Но пойти против воли родителей не возникало даже мысли.

Поставив тазик на скамью возле печки, я тяжело вздохнула и некоторое время грела пальцы у очага. Дав дыханию время успокоиться, я вяло размышляла о своей судьбе с Грэмом, которой не избежать. Потом смахнула слезинку со щеки и выпрямившись, поднялась по ступенькам на второй этаж.

В коридоре встретила мать. Она расправляла занавески на единственном окне в самом конце. Когда подо мной скрипнули половицы, она резко оглянулась. Взгляд испуганный, губы раскрыты, а в волосах застряла солома.

Лишь, когда поняла, что это я, плечи расслабленно опустились, она выдохнула и произнесла:

– Шарлотта... Это ты. Я думала отец.

– Он ушел, – сказала я тихо. – Наверное, в Таверну. Сегодня ведь праздник третьего урожая.

Она от чего-то облегченно расслабила плечи. Отец всегда был строгим и не делал послаблений ни жене, ни сыновьям, ни дочерям. А мне, после произошедшего в конюшне хотелось родительской заботы, но все, на что был способен отец, он уже проявил.

Мама заметила мое настроение. Она подошла и заглянула в глаза.

– Что с тобой, дитя мое? – спросила она.

Мама всегда была чуткой и доброй женщиной. Сейчас, когда мы остались вдвоем, захотелось забраться к ней на колени и расплакаться, как маленькой девочке. Подбородок задрожал.

Мама, охнула и, толкнув дверь, увлекла меня в комнату. Когда усадила на кровать, опустилась рядом и произнесла:

– Ну? Что такое? Расскажи мне, как есть.

– Мама... – прошептала я, глотая рыдания, которые вот-вот вырвутся наружу, – я не хочу...

– Что не хочешь, милая?

– За муж за Грэма, – всхлипнула я, а слезы прорвали запруду и покатались горячими дрожками по щекам.

Страх и обида на несправедливость захлестнули с такой

силой, что захотелось бросить все и убежать в Терамарский лес, куда ни один человек в здравом уме по доброй воле не сунется. Лес, которого сторонятся даже охотники.

Я упала на колени к матери и зашлась в рыданиях, а она стала гладить меня по голове и успокаивать.

– Ну-ну, милая, – говорила она, – поплачь. Поплачь. Женщинам надо плакать. Так горести выходят. Мало кто хочет за муж, но что поделать. Такая женская доля.

– Но мама... – прорыдала я, – почему Грэм? Я... я не люблю его.

– Это пока не любишь, – наставительно сказала мать, продолжая гладить меня по голове. – А потом слюбится.

– Но ты ведь любишь отца, – сквози слезы сказала я.

Лицо матери потемнело, она ответила явно нехотя:

– Люблю. Но у меня всё не просто складывалось. Слишком не просто. Уж лучше следовать правилам деревни. Так будет правильной для всех. Позволь родителям решать, что лучше для их детей. Ты ведь понимаешь, мы для вас хотим только блага. Да и тебе уже давно пора свою семью. Сестры давно с детьми, братья тоже. А ты все в девках.

Я вздохнула тяжело и печально. Мама была права, у трех моих сестер по двое, а то и по трое детей. Все трое братьев уже сыновей женить начали, а я единственная все ещё под родительским крылом.

Но, как и все девочки, я мечтала выйти за муж по большой любви, хотя для большинства деревенских это так и остается

мечтой.

– Но почему он? – спросила я устало. – Почему Грэм?

Мать пожала плечами.

– А почему нет? – сказала она. – Грэм состоятельный торговец. Возит в город товар каждую неделю. Мясо, ткани, травы. Значит, будет достаток. Ты и ваши дети не будут знать нужды.

– Отец так же сказал, – тихо проговорила я.

– Отец дело говорит, – согласилась она. – Он суров, наш отец, но мудр. Его надо слушать, милая. Он дурного не посоветует. Тебя вон как избаловал. Остальные наши дочери слова не смели сказать, когда их сосватали. А тебе дает выговориться. Балует тебя он. Потому, как младшенькая. Но и ты на шею не садись. Сказал отец, что Грэм хорошим мужем будет. Значит так и есть. Какие у тебя права сомневаться в отеческих словах?

Шмыгнув носом, я вытерла щеки и произнесла:

– Прости мама, я не хотела быть неблагодарной.

– Вот, – согласилась она, – будь покорной. Угождай мужу, и будешь счастлива.

Я промолчала. Советы матери и наказания отца я слушала всегда. Но почему-то казалось, что замужество должно приносить радость. Грэм же радости не вызывал, хотя всеми силами старалась быть любезной с ним. Он же регулярно хватал меня и прижимал к стенам то амбара, то конюшни, говорил такое, от чего пылали щеки, и зачем-то пытался про-

браться под юбку.

Спросить у матери, почему он так делает, не решалась, боясь показаться грубой, но сестры говорили, что так позволено делать только мужу. На другие подробности они не решались. То ли не хотели раньше времени открывать мне тайны, то ли боялись, что их сочтут неблаговоспитанными.

Убедившись, что я успокоилась, мать проговорила:

– Ну вот и славно, что ты все поняла. Пойдем чаю погреем.

Мы спустились в большую комнату, где полыхает очаг. Мать достала из мешочка иван-чай, который всегда заваривала после трудных разговоров, а я набрала воды в чайник и повесила над огнем.

Когда вода закипела, мать указала на маленький заварник, куда насыпала крупные сухие листья. Я залила, листья закружились в хороводе, медленно всплывая и оседая.

– Сейчас попьем чайку, – сказала мама, доставая чашки, – и все твои дурные мысли уйдут. Женщине на надо забивать себе голову глупостями. Надо о доме заботиться, о муже, да о детишках. Чем их больше, тем лучше.

– И даже книги? – робко спросила я.

– Особенно книги, – сообщила мать. – Женщине непотребно читать. Она и научиться-то не может, так что лучше не дурить ум.

Я снова промолчала. Читать мне всегда хотелось, но едва заговаривала об этом, натыкалась на бурный протест и ру-

гань. Потом подумала, что маме сорок лет, но выглядит она так же, как повитуха с другого конца деревни, которая еще принимала моего отца. Восемь детей и тяжелая работа по дому, таскание воды и вязанок с хворостом отразились на матери, даже если сама этого не признает.

Когда чай заварился, мать разлила по чашкам и достала с полки тарелку с сухарями.

– На вот, – сказала она, – погрызи. А то схуднула ты что-то за эти дни. А деве положено быть в теле. Иначе как детей вынашивать?

– Да мама, – проговорила я, чувствуя, как тема с детьми, замужеством и пожизненной покорностью торговцу начинает раздражать.

Я приблизила чашку к губам, но отпить не решилась – даже нос ощутил, как горяча вода. Некоторое время дула на нее, сгоняя тонкий слой дыма, потом все же решилась отхлебнуть.

– Ой, – вырвалось у меня. – Горячо.

– Осторожней, – сказала мама, – пей аккуратно. Обожжешь губы, станут некрасивыми. Нареченному твоему может не понравиться.

– А я могу делать то, что нравится мне? – спросила я, ощущая все большее негодование. – Неужели мне всегда придется делать лишь то, что хочется ему? А как же мои желания?

– Твои желания, – сказала мать строго, – это желания мужа. И в доме, и в спальне, и в жизни. Запомни это дочка.

Когда ты себе это усвоишь, обретешь счастье.

– Но...

– Это отец тебя разбаловал, – проговорила она недовольно, не дав мне закончить. – Дозволил в девках долго ходить. А у тебя вон, мысли какие-то появились.

– Разве я и думать не должна? – удивленно спросила я.

Мать отмахнулась от меня, как от назойливой мухи и произнесла:

– Сейчас за тебя думает отец. Когда будет муж – думать будет он. А ты должна быть хорошей женой. Поняла?

Я кивнула, хотя на самом деле с трудом представляла, что значит, быть хорошей женой. Сестры на семейных праздниках выглядели спокойными и смирными, улыбались кротко, говорили мало. Несчастливыми они не выглядели, но такое поведение не сочеталось с моим представлением о счастье.

Когда чай остыл, мне все же удалось сделать несколько глотков. Но едва потянулась за сухарем, дверь распахнулась, и на пороге возник отец. Хмурый, как осенняя туча, брови сдвинуты, рубаха на груди разорвана.

– Мэри, – гаркнул он с порога, – новую рубаху неси!

Мама подскочила и бросилась к сундуку. Пока отец стягивал разорванную, она вытащила красного цвета рубашку и подбежала к отцу.

– Вот, свеженькая, выстиранная, – сказала она, протягивая ему одежду.

Отец цапнул, швырнув испорченную в угол, и сказал:

– Старейшина совет созывает.

Я насторожилась, а мать охнула и произнесла:

– Как же это... Уже лет десять не созывали. Случилось что?

– Не знаю, – мрачно ответил отец. – Там скажут. Но наказали нашей семье явиться.

В груди ухнуло, мать зажала рот ладонью, а отец выразительно посмотрел на меня.

Глава 2

Под отцовским взглядом я как-то сжалась. Сухарь так и застыл возле рта, а я пыталась понять, что же такого могло случиться, если старейшина заявил о собрании под самую ночь. Потом все же решилась откусить, но в глотку кусок протолкнулся с трудом.

Отец натянул рубаху и кое-как одернул. Потом потянулся к ведру, в котором плавают ковшик, и размашисто зачерпнул воды. Он глотал шумно, как запыхавшийся конь после долгой дороги, затем бросил черпак обратно и вытер губы рукавом.

– Собирайтесь, – проговорил отец строго.

Мать всплеснула руками и забегала по комнате, приговаривая:

– Прямо сейчас? Да где ж это видано, на ночь глядя... У меня ж одёжа не готова...

Отец даже не оборачивался к ней и почему-то строго глядя на меня, словно это я виновата в созыве совета. Мать резко остановилась возле стола и уперла кулаки в бока.

– А ты что сидишь? – спросила она строго. – Вставай, собирайся. На плечи вот, накинь, а то зябко. Вечер на дворе.

Мать откуда-то достала красный плащ с капюшоном и протянула мне.

– Надевай-надевай, – проговорила она. – Нечего с голыми плечами ходить. На совете, поди, будут мужчины. А ты обещана Грэму. Нечего другим на тебя глазеть.

Я нехотя приняла плащ и проговорила тихонько:

– Но ведь днем я без накидок. И ничего.

– То днем, – многозначительно произнесла мать. – Днем срамные мысли если и лезут, то солнечным светом отгоняются. А ночь, на то и ночь, чтоб под ее покровом всякое творить.

Запретные темы, полог тайн на все, что казалось интересным, уплотнился до такой степени, что я не выдержала и спросила:

– Может, мне кто-нибудь объяснит, какие такие срамные мысли появляются под покровом ночи? Мне ведь предстоит вскоре стать женой.

Отец и мать переглянулись. На несколько секунд повисло молчание, в котором слышно, как в очаге потрескиваю поленья. Щеки матери медленно начали краснеть, она как-то замялась, а отец прокашлялся и сказал:

– Все это тебе объяснит Грэм... Когда придет время.

Затем толкнул дверь и махнул, приказывая следовать за собой. Мать покорно поспешила за ним, а я еще пару секунд размышляла – стоит ли накидывать плащ или проявить характер и пойти без него. Но когда прохладный вечерний воздух с улицы коснулся плеч, надела и двинулась за родителями.

В деревне, наконец, зажгли дорожные факелы. Улочки освещены теплым светом, воздух наполнен запахом горящего масла и ночных фиалок. Те обширными полянами растут вокруг поселения, наполняя мир по ночам чудесными запахами.

Я шла, чуть отстав, чтобы не слушать недовольного отцовского сопения и причитаний матери о том, как же страшно не знать, для чего такое позднее собрание.

Под ногами похрустывает ракушка, которую на повозках Грэма привезли издалека специально, чтобы отсыпать дорожки. Такие дорожки ведут ко всем домам, но больше всего ракушечника вокруг главного колодца, что в зарослях чубушника. Из него деревня снабжается водой.

Мне всегда хотелось взять себе горсть такого ракушечника и всыпать в горшок с фиалками, но мать не разрешала, говоря, что когда стану женой Грэма, тогда и буду брать ракушек сколько душе угодно.

За размышлениями не заметила, как прошли всю деревню, и дом старейшины вынырнул из темноты, как необъятная гора. Его строили всем селом и возвели в целых три этажа.

Из разговоров мужчин знала, что на первом всегда проводятся собрания, на втором живут многочисленные отпрыски, а на третьем он с женой.

Мне тоже хотелось иметь большой дом, но несмотря на заверения о достатке торговца, пророченного мне в мужья,

жилье у него было скромным. Зато конюшни и склады для товаров – в два раза больше дома.

Отец сделал знак, и мы остановились перед домом. Он три раза постучал, затем толкнул дверь, и мы один за другим вошли. Я никогда не была на собраниях и теперь старалась из-под полуопущенных век разглядеть все, что могла.

Людей в помещении оказалось много. Одни на лавках, другие на табуретках, иные просто стоят, опираясь плечами на стены. В воздухе ненавязчивый гомон, но едва оказались внутри, он стих, и взгляды обратились на нас.

Отец провел нас вперед и указал на лавку. Когда сели, он опустился рядом и упер ладони в колени, замерев, как гора.

Через мгновение в соседней комнате скрипнули половицы, в помещение вошел худосочный старик в длинном балахоне. Борода серебрится от седины и свисает до самого пояса, ладонью опирается на клюку, от чего кажется устрашающим.

– Все в сборе... – протянул он, даже не глядя на собравшихся. – Это хорошо. Хорошо.

Он проковылял в середину комнаты и опустился на стул с высокой спинкой. Откинувшись на нее, сказал скрипучим голосом:

– Я собрал вас по серьезному делу. Настолько серьезному, что не пожалею ничего, чтобы его разрешить. Скажите, есть ли среди вас тот, кто сомневается в моей мудрости?

Народ загалдел, послышались выкрики.

– Нет!

– Что, ты, старейшина! Как можно?

– Ты мудрейший из нас!

Старик кивнул, вскидывая ладонь, и все разом замолкли.

– Хорошо, – снова произнес он. – А было ли когда-нибудь, такое, чтоб я ошибся в решении?

Толпа вновь взревела, доказывая и провозглашая, что старейшина самый мудрый и справедливый, а все его решения – сама истина. Старейшина вновь удовлетворенно кивнул и продолжил:

– Тогда вы выслушаете меня. И когда оглашу свою волю, вы ее примите.

– Говори, старейшина! – донеслось из одного конца комнаты.

– Да, говори, мудрейший! – донеслось из другого.

Я с затаенным дыханием наблюдала, впитывая каждое слово, гадая, какую роль уготовили нашей семье. Старик на некоторое время замолчал, то ли собираясь с духом, то ли задремал ненароком. Но когда в комнате кто-то громко покашлял, он поднял голову и начал:

– Все вы знаете, как возникла наша деревня. А если не знаете, напомним. Много лет назад, когда у меня только начала расти борода, река пересохла. Древня бы вымерла, если бы одна ведьма, тогда еще молодая девица, не указала на место, где надо рыть колодец. И я с тремя селянами вырыл. Этот колодец мы пользуем до сих пор.

Люди загомонили, быстро пересказывая друг другу суть истории, детали и слухи. Я пыталась уловить слова, но из-за количества говорящих, звуки превратились в гул.

Старейшина продолжил:

– Колодец тот ведьма зачаровала, чтобы вода в нем не кончалась. Но потом ведьма ушла...

– Ой, прямо ушла! – раздалось откуда-то из глубины комнаты. – Не юли, старейшина. А скажи, что обещал жениться на ней, а женился на другой. А когда она потребовала ответ, изгнал ее из деревни.

Народ снова загалдел, споря, была ли ведьма, любил ли её старейшина, правда ли, что колодец нескончаемый. Я вся превратилась в слух потому, что прежде этой истории не слышала и считала, что наш колодец берет начало в обычной подземной реке.

Старейшина потемнел лицом, словно туча набежала на погожий день, и некоторое время молчал. Казалось, он погрузился в воспоминания давно минувших дней, где у него и впрямь еще нет бороды. Через некоторое время вздохнул и проговорил:

– Пусть так. Речь сейчас не об этом. А об том, что ведьма ушла, сказав, что однажды мы все о ней вспомним. И вот, день настал, селяне. Вода в колодце кончается.

По комнате прокатился вздох, а затем повисла гробовая тишина. Я с трудом соображала, почему все так перепугались, но когда увидела бледное лицо отца, который всегда

прежде сохранял самообладание, поняла, дело и впрямь серьезное.

Старейшина выдержал паузу, дождавшись, пока все осознают глубину случившегося, потом вновь заговорил.

– Но у нас есть кое-что. Точнее, кое-кто, – сказал он. – Многие из вас думают, что жена жнеца Ромура, безродная. Но думать так не верно. Об отце ее мне действительно не известно, но мать...

Он сделал специальную паузу, все затихли и перевели взгляды на мою мать, которая застыла, как каменное изваяние с алебастровым лицом. Из-под чепца выбилась белокурая прядь и прилипла ко лбу, который покрылся крупными бисеринками пота. Об истории родителей мне тоже было не известно, и я смотрела на всё такими же круглыми глазами, как остальные.

– Ее мать, – продолжил старейшина, – та самая ведьма Кирка, которая зачаровала колодец. История Ромура такова. Он однажды встретил прекрасную Мэри возле самой окраины Терамарского леса. Они полюбили друг друга. Но Кирка не позволила дочери уйти с возлюбленным. Да только та ослушалась и сбежала. А когда выяснилось, что Мэри понесла, Кирка так разозлилась, что отправила её к Ромуру, сказав, мол, раз она ослушалась, пусть теперь Ромура и разбирается. А сама в одиночку пересекла Терамарский лес.

Все захоали и запричитали. Я ошалело ворочала глазами, пытаюсь понять, как хрупкая женщина, пусть и ведьма, ре-

шилаь отправиться в самый страшный опасный лес во всем королевстве. Потом стало медленно доходить, что это не самая главное в этой истории. Мать сидела бледная и не шевелилась, словно ожидает приговора, отец, такой же бледный, незаметно сжал её пальцы за лавкой, а я затаилась, как мышь.

Старик медленно перевел взгляд на них и произнес:

– Так ли все? Или я сказал не правду? Коли так, исправьте меня и скажите, как было.

Послышался шумный глоток отца. Он прочистил горло и пару секунд готовился, затем произнес неожиданно охрипшим голосом:

– Все так старейшина. Ты нигде не обманул и не приукрасил.

– Хорошо, – протянул старик. – Значит, ты прилюдно признаешь, что жена твоя Мэри дочь ведьмы Кирки, которая смогла зачаровать колодец?

Отец кивнул и сказал хмуро:

– Признаю.

– Тогда, – неожиданно громко провозгласил старейшина, вскинув ладони. – Пусть она вернет нашему колодцу былую мощь! Пусть вода перестанет уходить! Пусть применит свою магию! Если Мэри действительно стала истиной женой своего мужа, истиной селянкой, и чтит наши традиции и законы, она тот же час согласится и выполнит нашу общую просьбу! Говори Мэри, я позволяю тебе.

Я видела, как побледнели губы матери, как затрясся под-

бородок. Она прижала одну ладонь к груди, а другой еще сильнее сжала ладонь отца. Затем шумно сглотнула и проговорила еле слышно:

– Я... я не... Я не могу.

Народ загалдел, но старец взмахом длани всех утихомирил и спросил терпеливо:

– Почему, дитя мое? Значит ли это, что ты отказываешься исполнить свой долг преданной жены и селянки?

Мать так быстро замотала головой, что из-под чепца выбилось еще несколько белокурых прядей.

– Н-нет, старейшина, не отказываюсь, – произнесла она. – Я бы сделала всё, что в моих силах. Но у меня таких сил нет. Мне не передалось ничего от матери.

Старейшина что-то промычал и кивнул, будто подтвердил собственные мысли.

– Значит, надо связаться с ведьмой, – произнес он задумчиво. – Воззовем к ее совести. Несите таз, будет лить тёмную воду.

Все вновь охнули, а я сжала пальцы до белы костяшек. О темной воде слышала лишь раз от старшего брата, который ездил в город. Он поведал, что тёмную воду льют только в самых крайних случаях, когда нужно связаться с ведьмой. Ведьмы не любят, когда их беспокоят, поэтому обряд считается опасным. Ходили слухи, что во время обряда пропадают люди и творятся странные вещи.

Тогда я и подумать не могла, что своими глазами уви-

жу такое, и меня переполнило любопытство вперемешку со страхом.

Тем временем несколько смельчаков всё же притащили корыто. Поставив его перед старейшиной, они опасливо пятились к толпе, а старейшина опустил конец клюки в воду и вытащил из-за пазухи мешочек. Затем очень осторожно, будто внутри спит рой пчел, развязал и взял щепотку чёрного порошка.

Что-то прошептав, старейшина высыпал порошок в воду и стал водить клюкой по часовой стрелке, бормоча при этом слова на непонятном языке.

Селяне жались к стенам, пятились, время от времени слышала, как кто-то возносит молебны богам. Всё время, пока находилась в комнате, меня не покидало ощущение, что за мной наблюдают.

Улучив момент, я осторожно оглянулась и в груди ухнуло. Из противоположного конца помещения на меня смотрел Грэм. Казалось, его не волнует ни пересыхающий колодец, ни обряд темной воды, ни старейшина.

Он смотрел на меня так, как отец смотрел на мать, когда я однажды рано вернулась домой и застала их слишком близко друг к другу.

Его правая рука елозила в кармане, а губы что-то шептали. Мне не хотелось знать, что, но спина невольно взмокла, а сердце застучало чаще. Я вспомнила его руки на себе, запах хмеля изо рта и подумала, что если это счастье, то немудре-

но, что моя, как выяснилось, бабка сбежала от него в Терамарский лес.

Тем временем старейшина продолжал мешать воду. Та потемнела, как ночное небо, показалось даже замерцала. Сперва все выглядело невинно, как детская шалость, но едва додумала, свет факелов колыхнулся. На улице что-то загрохотало, а окна с грохотом распахнулись, и в помещение ворвались ледяные порывы.

Люди закричали, некоторые вскочили с мест и бросились к двери, но та оказалась заперта. Ее дергали, пытались выломать, но дверь словно выросла в стену. Я сжалась в комок, моля богов, чтобы все поскорее кончилось, чтобы это собрание, Грэм, истории про бабку ведьму оказались сном. Но стены задрожали, с потолка посыпалась труха, и я поняла, что пробуждение не скоро.

Старейшина воздел длани и прокричал:

– О, Кирка! Мы взываем к тебе! Смилуйся! Яви свой лик!

Ветер и дрожь стен стихли, но воздух остался таким же холодным, и когда выдохнула, изо рта выкатился клуб пара.

Я сидела достаточно близко к тазу, в котором старейшина крутил палкой, поэтому заметила, как в темной воде проступил силуэт. С каждой секундой он становился всё яснее, и вскоре увидела облик престарелой женщины с глазами цвета льда и серебристыми волосами на плечах.

– Ты ли это? – донесся насмешливый старческий голос, и показалось, он исходит отовсюду. – Эол? Теперь старейши-

на? Хе-хе. Ну, как старствуешь? Всё ли ладно в вашей деревне?

Старейшина сдвинул брови, и проговорил:

– Не глумись, Кирка. Ты знаешь, почему мы к тебе звали.

– Ох, Эол, знаю, – отозвалась ведьма усмехаясь. – Как же не знать. Я уж пол века жду, когда наведешь темной воды, а я всласть посмеюсь над всей вашей деревенькой, которая черной неблагодарностью отплатила мне за добро.

В её голосе звучало столько злорадства, что я с трудом верила, как моя мать, я и эта старуха могут быть родственниками. Люди сбились в кучу, как перепуганные цыплята под дождем, отец обнял мать, а про меня, казалось все забыли. Все кроме Грэма, который прожигает мне взглядом спину.

Глава деревни набрал воздуха и сказал:

– Дела давно минувшие. Ты не должна держать обиды так долго.

– Не указывай мне, что я должна, а чего нет, старик! – громыхнул голос ведьмы.

– Прости, Кирка, – тут же проговорил старейшина, – я не хотел тебя гневить. Но прошу вернуть нам воду и снова зачаровать колодец. Иначе вся деревня зачахнет без воды.

Ведьма хохотнула.

– А мне какое дело? – спросила она. – Эта деревня палец о палец не ударила, чтобы защитить меня от тебя, мерзкого, гнусного лжеца и предателя. А потом укрыла мою дочь,

посмевшуюся послушаться материнского наказа. Пускай хоть в пустыню превратится ваша деревня. Я буду смотреть на это через свой хрустальный шар и ухмыляться.

– Ты стала черствой, – устало произнес старейшина.

– Вашими стараниями, – бросила в ответ Кирка. – Но спасибо, что сообщил мне об этом прелестном событии. Теперь я смогу насладиться созерцанием.

– И тебе не жаль дочь? – спросил старейшина.

– Как-нибудь справится, – отмахнулась ведьма. – Смогла же она обойтись без меня, когда понесла от Ромура. Значит, я ей не нужна.

Мне всё казалось нереальным. Настоящая ведьма в тазике с водой, откровение о происхождении матери, Грэм, который даже в такой момент облизывает губы, глядя на меня, и теперь уже левой рукой ковыряется в кармане. Но прежде, чем успела сообразить, что делаю, изо рта вырвалось:

– Что такое пустыня?

Все взгляды обратились на меня. Мать с отцом вытаращились потому, что нарушила одно из самых главных правил – говорить только с разрешения или через поверенного мужчину. Глаза старейшины тоже округлились, он открыл рот, чтобы что-то сказать, но комнату огласил голос ведьмы.

– Кто это сказал? – спросила она.

Все молча смотрели на меня. Шумно сглотнув, я сжала кулаки и проговорила:

– Я. Шарлотта.

Старейшина, наконец, пришел в себя и сказал быстро:

– Это просто девчонка. Оставь ее.

– Молчи, Эол, – рявкнула ведьма Кирка. – Ты и так уже много сказал. Так что тебя интересует, дитя мое?

Не веря, что делаю это я сжала пальцами юбку и повторила тихо:

– Вы сказали, что вам всё равно, если деревня превратится в пустыню. Что такое пустыня?

– Какая прелесть, – усмехнулась ведьма. – Ей говорят, что деревне конец, а она интересуется пустынями. Знай, дитя мое, пустыня, это то, во что превратится ваше селение, когда мой колодец перестанет давать воду. Это значит, ни единого деревца, куста или травинки. Только потрескавшаяся почва и беспощадное солнце. Поняла, дитя мое?

Когда представила, что место, в котором родилась, станет таким безжизненным, как обещает старуха, по спине прокатилась волна мурашек размером в жука, а в груди все сдавило.

– Но это ужасно! – вырвалось у меня.

На меня зашикали, послышался шепот и слова негодования, мол, я глупая девка, которая только злит старуху. Но та вдруг рассмеялась так, что на затылке зашевелились волосы.

– Это действительно прелестно, – проговорила она сквозь смех. – Такая наивность и смелость. Ты ведь знаешь, с кем говоришь и кому перечишь?

– Не уверена, – честно призналась я. – Но превращать

деревни в пустыни не хорошо. Даже если вас когда обидели.

Ведьма Кирка зашлась в таком хохоте, что стены снова задрожали, балки заходили ходуном, рискуя обрушиться на нас всё трехэтажное здание, а воздух зазвенел от холода. Она хотала долго и от души, пока с потолка не стали сыпаться крупные щепки.

– Перестаньте! – громко попросила я. – Вы сыпете на нас деревяшки.

Старейшина охнул и схватился за голову, всем видом показывая, чтоб я молчали и не провоцировала ведьму. Но та неожиданно прекратила смеяться и проговорила охрипшим от хохота голосом:

– Прелестно... прелестно. Подойди, дитя мое.

Ноги моментально потяжелели. Хотела остаться на месте, но кто-то подтолкнул в спину, пришлось встать. Еле передвигаясь и чувствуя, как сердце ударяется в грудную клетку, я приблизилась к корыту и заглянула в воду.

На меня взглянула пожилая женщина с морщинистым лицом и пронзительными холодными глазами. Она смотрела внимательно, словно изучала и пыталась прочесть мысли. Спустя несколько мгновений произнесла:

– Сколько тебе лет?

– Восемнадцать, – ответила я.

– И в этой жуткой деревне тебя еще не упекли за муж за первого встречного? – поинтересовалась она буднично.

Я покосилась на Грэма, который сунул уже обе руки в кар-

маны, и сказала тихо:

– Меня обещали.

Ведьма фыркнула.

– Понятно. Конечно, обещали. Скажи, дитя мое, кто твои родители?

Вновь подняв голову, я окинула взглядом отца и мать, которые так и застыли, обняв друг друга.

– Моя мать, ваша дочь Мэри. А отец – Ромур. Кроме меня у них еще шестеро детей. Я самая младшая.

Глаза ведьмы сверкнули, словно два драгоценных камня. На секунду показалось, морщины разгладились, а по волосам прокатился радужный всполох.

– Седьмое дитя, – выдохнула она. – Не думала, что моя дочь окажется такой плодovitой.

Я ждала еще каких-то объяснений, но она продолжала смотреть на меня, вглядываясь в самую душу. Лишь, когда хотела отойти от корыта, ведьма проговорила:

– Этот, которому тебя обещали, тебе не пара. Да-да, вот тот, что сейчас у стены сунул пальцы в карманы и не сводит с тебя глаз. Не пара. И никогда не будет. Где Эол?

Я оглянулась, а старейшина приблизился к тазу и навис над водой.

– Я здесь, Кирка. Здесь.

Ведьма окинула его презрительным взглядом и произнесла:

– Слушай меня внимательно, старик. Я помогу вашей де-

ревне. Но не ради тебя и твоих жителей. А ради своей внучки. Она седьмое дитя через колено, и единственная, кто интересуется меня во всем вашем селении. Если она одна сможет прийти ко мне через Терамарский лес, я дам ей заклятье, которым можно будет зачаровать колодец. Сделать это сможет только она. У вас тямы не хватит. Даже у тебя.

По мне прокатилась волна ужаса, я едва сдержалась, чтобы не закричать. Мать упала без чувств, а отец уложил ее на лавку. Старейшина вцепился пальцами в край корыта и произнес:

– Ты обрекаешь нас. Она лишь дева. Как ей пройти через Терамарский лес?

Ведьма пожала плечами и сказала:

– Я ведь прошла.

– Но ты ведьма! – не выдержав, крикнул старейшина. – А она лишь дева, обещанная стать верной женой. Она должна быть дома и готовиться к замужеству! Пусть отряд наших лучших воинов отправится к тебе за заклятьем, а ты подробно расскажи им, как и что делать. А она уж сделает.

Лицо ведьмы Кирки стало непроницаемым, она произнесла холодно:

– Ни один отряд не пройдет через Терамарский лес, если того не захочет сам лес. А лес не любит отрядов. Запомните, я жду только Шарлотту.

Едва она закончила фразу, водяная поверхность задрожала и покрылась рябью, воздух потеплел, а факелы вновь на-

полнили помещение мягким светом.

Кто-то спешно выскочил на улицу, но большинство остались. Я все еще смотрела на воду, к которой постепенно возвращается прозрачность, но когда из глубины помещения донесся голос, я вздрогнула и подняла взгляд.

На меня смотрел торговец голодными, жадными глазами.

– Я не хочу, чтоб моя нареченная ломилась в этот жуткий лес, – проговорил он.

– Никто не хочет, – отозвался старейшина. – Но все слышали ведьму. Верьте мне, она непреклонна и не пожалеет, если от деревни останется лишь пустыня.

Мой отец, наконец пришел в себя и привел в сознание мать, которая ошалелыми глазами вертит головой, словно не соображает, что происходит.

– Я не пушу дочь в такое место, – сказал он и кивнул Грэмму. – Мы не для того растили её, чтобы дать сгинуть в Террамарском лесу.

Грэм добавил:

– И я не для того ждал полгода, чтобы отпустить её зверям на расправу. Это моя дева, она мне обещана, и я хочу делать с ней то, что положено делать любому нормальному мужу.

Кто-то одобрительно закивал, поддерживая его, а я представила, что, когда нас свяжут священными узами, придется терпеть его каждый день и вести себя как покорная овца. Все мечты о счастливой жизни уйдут в небытие, а любовь останется несбыточным сном. И я поняла, если ей не суждено

сбыться, то лучше уж она не сбудется по моей воле, а не по воле кого-то другого.

Прежде, чем успела додумать, изо рта вылетели слова:

– Я пойду через Терамарский лес.

Глава 3

Когда родители это услышали, оба охнули в один голос, а Грэм вышел вперед и ударил кулаком в ладонь, глаза сверкнули, как у разъяренного быка.

– Такого разрешения тебе никто не давал, дева! – прогудел он.

Но я, почему-то осмелев после разговора с ведьмой, сжала кулачки и ответила:

– А кто тогда пойдет? Ты сам слышал, что она никого не примет, кроме меня. Или ты из-за своих желаний позволишь сгинуть всей нашей деревне?

– Но это безумство! – снова прогудел Грэм, не сводя с меня бешеного взгляда. – Как вы можете отпускать её? Эта дева уготована мне! Я не желаю, чтобы её у меня забирали! Он обещана! Обещана!

Старейшина прервал его речь взмахом ладони. У самого лица бледное, вокруг глаз образовались круги, словно не спал ночь, а потом еще ходил до поля и обратно.

– Уймись, Грэм, – сказал он. – Ты не хуже всех нас понимаешь, как важен колодец, и то, что сейчас произошло, дает всем шанс. Мы не можем его потерять из-за твоего сладострастия.

Лицо торговца потемнело, ноздри раздулись, словно из

них вот-вот повалит дым, он выругался так грязно, что у меня невольно потеплели щеки. С рычанием Грэм ударил кулаком в стену, доски хрустнули, распихивая людей, он направился к выходу.

Когда торговец покинул дом старейшины, я испытала некоторое облегчение. Я еще не до конца понимала, на что согласилась, но почему-то казалось, хуже участи, чем стать женой торговца, нет.

Мать, наконец, перестала причитать, только тихонько постанывает и бормочет слова молебен. Отец посуровел, но по лицу поняла, он, даже если не хочет отпускать меня, рисковать остальной семьей не станет. Он не возьмет на себя ответственность за гибель всей деревни, вместе с детьми и внуками.

– Я пройду через Терамарский лес и принесу заклинание, – повторила я уже громче, чтоб слышали все.

Потом направилась к выходу. Когда проходила мимо отца, тот чуть повернулся ко мне, и я услышала тихое:

– Прости нас. Ты верно решила.

Пере до мной расступались, как перед высокородной леди, и впервые в жизни казалось, что несмотря на опасность, делаю всё правильно.

Подобрав юбки, чтоб не волочились в пыли, я двинулась вверх по тропинке в сторону дома. Он находится на другой стороне деревни, и к нему ведет два пути. Широкая дорога идет по дуге в обход, а та, что узкая – рядом с рощей, но

прямо.

По узкой дороге тоже горят факелы, поэтому решила срезать и бодро зашагала вперед. Меня переполняли противоречивые чувства. От страха перед лесом тряслись колени и пересыхало во рту, но, в то же время, испытывала облегчение, что торговец ко мне не притронется. Запах его рта, в котором брага бывает чаще, чем еда, казались отвратительными, но из-за правил деревни и покорности родителям приходилось терпеть. Но теперь у меня появился шанс. И, несмотря на опасный выбор, я испытывала подъем.

Неожиданно за плечо ухватили цепкие пальца, а рот плотно зажали. Я испуганно дернулась и попыталась закричать, но получилось лишь мычание. Паника накатила тугой волной, я задргала ногами, но меня подкидывали и тащили в рощу в самом начале Терамарского леса, где в сиянии месяца темнеют кусты.

Лишь, когда свет факелов превратился в оранжевые точки и затерялся в листве, меня развернули и с силой швырнули в траву. Я хотела закричать, но от ужаса горло перехватило, получился сдавленный хрип.

– Я же говорил, что ты обещана мне, – донеслось глухое, и из темноты выступила фигура Грэма.

– Не смей меня трогать, – прошептала я. – Не смей... Это не по закону...

– А по закону отбирать у названного нареченную? – спросил он зло. – Они первые нарушили слово. Значит, и я могу.

Я попыталась подняться, но торговец накинулся на меня всей массой и прижал к земле.

– Давай, – зашептал он на ухо, – покажи, какая ты сладкая. Я же не просто так нарушаю одно из главных правил деревни.

– Не трогай меня, – прошептала я, трясаясь всем телом и пытаюсь его отстранить, но он лишь сильнее придавил.

Его ладонь легла мне на грудь и сдавила так, что я застонала от боли.

– Стони, – довольно прохрипел Грэм. – Сейчас ты будешь извиваться подо мной. Тебе понравится.

Он стал быстро задирать юбки, в ужасе я пыталась сопротивляться и кричать, но получались лишь сипы. А торговец коленом раздвинул мне ноги. Его палец оказался там, где меня никто прежде не касался, по телу прокатилась волна незнакомого жара, я забилась, не представляя, что он собирается делать, а Грэм продвинул его в глубь и сказал хрипло:

– Вот она... Невинность. Ах... Как ты невинна... Это сводит с ума. Раздвинь ноги, Шарлотта. Давай же.

– Нет... пожалуйста, не надо, – молила я, а по щекам катились слёзы. – Не трогай меня. Ты не должен.

– Перед таким ни один мужик не устоит, – хрипел он мне в ухо и продолжал сдавливать грудь. – О, как ты хороша, Шарлотта...

Он опустил вторую руку вниз и отнял пальцы от сокровенного. На секунду подумала, что к нему вернулся разум, но через мгновение ощутила твердое и горячее возле самого

средоточия.

– Расслабься, и будет не так больно, – проговорил он облизываясь.

Грэм чуть подался назад, я зажмурилась, приготовившись к страшному. Я не знала, что он пытается сделать, но это казалось сущим кошмаром.

Лицо Грэма исказилось сладострастной улыбкой. В этот момент за кустами справа послышалось рычание. Глухое, утробное, не похожее ни на одно из тех, что слышала прежде.

Я застыла. Грэм тоже замер и оглянулся. Он смотрел в кусты, но в темноте ни он, ни я не могли ничего разглядеть.

– Что за дрянь, – произнес он зло, и поднялся, чтобы проверить.

В кустах снова зарычали, а я пользуясь заминкой, вскочила и кинулась через рощу к деревне. Послышались вскрик и ругань, Грэм ринулся за мной, но мне казалось, он не столько гонится, сколько убегает.

Я все ускорялась. Когда впереди замаячил дом, в груди ухнуло, а ноги понесли быстрее. С разбегу ударившись в дверь, я влетал в дом и захлопнула створку, прижавшись спиной. Сердце стучало, как у перепуганной мыши, дыхание сбилось, я доковыляла до табуретки и, опустившись, просидела так, казалось, вечность.

Очнулась, лишь, когда дверь вновь отворилась и на пороге возникли родители. Оба поникшие и бледные.

Отец сказал с порога:

– Старейшина решил, что тебе стоит отправиться в путь завтра.

Я подняла на него уставший взгляд и кивнула. После того, что произошло, я готова был отправиться в Терамарский лес хоть сейчас, босиком и в чём есть, только бы подальше от человека, которому плевать на других.

Мать снова запричитала, принялась бегать по кухне, собирая какие-то туяски и котомки, заглядывать в сундуки, доставать вещи. Но мне ничего не хотелось. Мне не объяснили, в чем состоит таинство между мужем и женой, не объяснили, что пытался сделать Грэм, но теперь у меня сложилось четкое ощущение, что всё это ужасно и страшно. И что лучше идти через Терамарский лес, чем подвергать себя такому кошмару.

– Шарлотта, милая, возьми с собой чепец, и рубашку, и вот это еще...

Мать собрала огромных размеров баул, который под силу поднять только отцу, и оставила его посреди комнаты. Я окинула это великолепие усталым взглядом, и поднялась.

– Мне нужно выспаться, – произнесла я. – Завтра непростой день.

Родители останавливать не стали, и когда добралась до кровати, уснула, едва коснувшись подушки и даже не раздеваясь.

Открыла глаза поздним утром, когда солнце уже поднялось и светит золотым лучом в глаз. По началу нежилась в

его тепле, но события прошедшего дня постепенно всплывали в памяти, и мысли становились тяжёлыми. Когда они дошли до Грэма, я поднялась, готовая бежать от него хоть на край мира.

Наскоро умывшись из тазика, я надела дорожное платье с черной юбкой, белым верхом и шнуровкой под грудью. Постаралась завязать потуже, чтобы было удобней в дороге, но веревочки слишком приподнимали ее, а это слишком вызывающе. Пришлось немного ослабить.

На ноги натянула высокие чулки до самого бедра с плотной подошвой, чтобы избежать мозолей. И обула сапожки из красной кожи. Их отец выменял мне на мешок муки. Волосы заплела в две косы. Волосы у меня всегда были очень густые, и теперь косы лежал на плечах, как тугие канаты золотистого цвета.

Я бросила взгляд на свое отражение в тазу. На меня из воды посмотрела голубоглазая девица с полными губами и лицом с тонкими чертами. Их мама называла тощими, и пыталась всегда меня откормить. Но к ее досаде моя фигура всегда оставалась стройной.

Закончив с дорожным нарядом, я спустилась на первый этаж. Родители, словно не уходили, уже ждали за столом.

Заметив меня, мать вскочила и кинулась на встречу.

– Ой, дитятка моя! – запричитала она. – Как же ты одна пойдешь через лес! Откажись, милая, откажись. Я посажу вас с Грэмом в телегу и тайно вывезу. Не ходи...

Отец резко прервал ее.

– Держи себя в руках, женщина, – сказал он. – Головой думай, а не сердцем. У тебя еще шестеро детей и пятнадцать внуков. Ими ты готова жертвовать?

– Ой, дитятки мои! – запричитала мать еще громче и, качая головой, пошла к мешку, который за ночь стал еще больше. – Что же это делается, что делается...

Наблюдать терзания родителей было тяжело. Мать всегда была доброй женщиной, хоть и не самой умной. Но очень меня любила. Как и отец. Но сейчас их причитания только путали и отяжеляли.

– Будь спокойна, мама, – проговорила я. – Это единственный способ всех спасти.

А мысленно добавила, и хотя бы временно избавить меня от Грэма.

– Ах, дитя мое, – тяжело вздохнув сказала мать. – Возьми плащ, в лесу ночью холодно.

Плащ я взяла. Красный, с капюшоном и завязками под ним. Но остальной мешок, собранный ею, брать отказалась, согласившись лишь на маленькую корзинку с пирожками, которые мама напекла ночью.

Спустя череду наставление, рассказов и всхлипываний, я стояла на краю деревни. Меня провожали все, от мала до велика. Старейшина, жнецы, кузнецы, торговцы. Даже матери с новорожденными пришли посмотреть на деву, согласившуюся идти через Терамарский лес.

Я старалась держаться достойно, опускала взгляд и молчала, потому, что если бы начала говорить, разразилась бы рыданиями от страха. Осознание действительности накатило в момент, когда вышла на дорогу и теперь внутри всё тряслось от ужаса. Но даже если бы я вдруг решила отказаться, пути назад не было. Слишком многое зависит от моего путешествия и слишком много жизней поставлено на карту.

Грэм стоит чуть в стороне и смотрит на меня, как кот на мышь, которая умудрилась вырваться из цепких лап. И только его жгучий взгляд предаёт уверенности и смелости. Глядя, как он раздувает ноздри и облизывает губы, я понимала, что в Терамарском лесу у меня есть шанс.

А здесь шанса нет.

– Не сходи с тропы, – проговорил отец, обнимая меня напоследок.

– Я постараюсь, отец, – сказала я тихо.

Мать с рыданиями обрушилась мне на грудь, и отцу пришлось её оттаскивать, чтобы я не зарыдала вместе с ней, видимо, заметил, как дрожит подбородок.

Некоторые женщины принялись вытирать глаза, и я отвернулась к лесу, чтобы не видеть их лиц и самой не поддаваться чувствам.

Он начинался сразу за полем, через которое тянется узкая дорога. По ней ходят редко, и местами она заросла спорышом.

Не оборачиваясь более, я двинулась вперед, держа на вы-

тянутых руках перед собой корзинку с пирожками. Когда дошла до середины поля, всхлипывания и причитания затихли, и мне почему-то стало легче. Шумела трава, чирикали какие-то птицы, а мир казался уютным и доброжелательным.

Но когда оказалась перед стеной деревьев, меня окатила волна тревоги. Лес смотрел на меня полумраком крон, словно оценивает достойна ли я вообще в него войти. Терамарский лес славился тем, что ушедшие в него редко возвращались, а жуткий вой и хохот, которые доносились из него в полнолуние отбивали охоту соваться в него даже у самых горячих смельчаков.

И вот я стою перед ним.

Некоторое время я боролась с паникой и страхом, которые накатывали с такой силой, что тряслись колени. Мелькнула мысль броситься бежать вдоль леса, но я знала, селяне смотрят с окраины деревни и будут смотреть, когда скроюсь за стволами. Убежать не получится.

Борясь с эмоциями, я подумала о том, для чего это делаю, о шансе отсрочить свадьбу, о спасении деревни. И, наконец, переступила черту леса.

Едва оказалась под тенью крон, меня охватила прохлада. Возникло ощущение, что лес отделен от остального мира невидимой стеной, которую мало кто решается преодолеть.

– И совсем не страшно, – прошептала я, осторожно двигаясь по тропинке и вертя головой. – Просто лес. Просто деревья. Ничего такого.

Я убеждала себя так горячо, что сама начала верить в безопасность леса. Высоко в ветках чирикают птицы, где-то стучит дятел, в верхушках шелестит ветер. Все выглядит, как в самом обычном лесу.

Понемногу я начала расслабляться и даже любоваться красотой, которая в Терамарском лесу отличалась от того, что видела в рощах.

Стволы в три обхвата, покрытая мхом кора, разлапистые ели и высокие сосны, чья хвоя бросает густую тень. Местами встречались кустарники с ярко-голубыми ягодами, хотелось их попробовать, но я знала, что что яркие ягоды часто бывают ядовитыми.

– Наверное, они уже и не помнят, почему нельзя ходить в Терамарский лес, – стала рассуждать я вслух. – И вообще, наверное, не помнят, как выглядит настоящий лес. А что в полнолуние страшные звуки доносятся... Так, наверное, из любого леса так...

Я шла по тропинке, которая становилась все уже. Местами она заросла травой, что значит, по ней не ходили уже много лет. Приходилось находить, снова вставать на нее потому, то несмотря на кажущуюся приветливость, я помнила наказ отца не сходить с тропы. И нарушать его не хотелось.

К тому же иногда возникало ощущение, что за мной наблюдают. От этого по спине проносились мурашки и подкашивались колени. Мелькнула мысль, что это из-за перенесенного ужаса. К тому же я шла почти весь день, и теперь

стало смеркаться, а в потемках всегда мерещится страшное.

Но когда позади хрустнуло, я обернулась.

На тропе стоял Грэм.

Взгляд, как у дикого быка, ноздри раздуты, грудь вздымается часто, словно бежал всё это время. Внутри все рухнуло.

Я проговорила сдавленно:

– Что ты... здесь делаешь?

– Пришел забрать то, что мне обещали, – проговорил он, выплевывая слова и морщась. – Если не честным браком, то так, как считаю нужным.

– Ты не можешь... – выдохнула я и попятилась по тропе глубже в лес.

– О, еще как могу, – проговорил он. – Даже больше, чем могу. Тут меня никто не станет наказывать. Никто не узнает. Ты же сама вызвалась идти в Терамарский лес. Все решат, что ты пропала. А я тем временем сделаю тебя моей. Никто не узнает, Шарлотта, никто не узнает...

Последних слов я не расслышала потому, что неслась по тропе дальше в лес, думая лишь о том, как скрыться от самого страшного человека, которого встречала. Подол платья цеплялся за ветки, плащ распахивался, словно крылья огромной птицы и тоже мешал бежать. Но я не останавливалась. В памяти пульсировал облик Грэма, который бесцеремонно задирает мне подол, и его пальцы грубо лезут туда, куда нельзя.

Позади раздавался топот. С ужасом я поняла, что он дого-

няет и догонит, если буду продолжать бежать по тропе. Пару секунд колебалась, страшась свернуть в сторону, где уже начала сгущаться тьма, но голос позади подтолкнул к решению.

– Шарлотта! – закричал Грэм. – Вернись немедленно! Я всё равно нагоню тебя!

Подкинув плащ, я резко свернула влево и рванулась сквозь кусты и траву. По началу они цеплялись, мешая передвигаться, но потом помчалась между ними, скрываясь в густой листве и опускающемся полумраке.

Я бежала без оглядки, забыв обо всем на свете и желая лишь умчаться подальше от этого человека. Топот его шагов через некоторое время исчез, лишь пару раз я слышала его взбешенный и протяжный крик.

– Шарлотта! – орал он. – Я доберусь до тебя, Шарлотта!

Но я не слушала и продолжала бежать. В какой-то момент нога зацепилась за корягу, я не удержалась и полетела вниз. Но вместо того, чтобы рухнуть на землю, покатила по склону, пропарывая в залежавшейся листве дорожку.

Как ни пыталась затормозить, меня все несло вниз, и остановилась лишь, когда оказалась на ровном месте.

Некоторое время просто лежала, пытаюсь прийти в себя после встречи с Грэмом и падения. Этот человек не желал оставлять меня в покое, даже когда во всеуслышание заявила, что пойду в Терамарский лес, лишь бы не становиться его женой. Это пугало, потому что такие люди способные на

всякое. И я была рада, что удалось от него сбежать во второй раз.

Когда сердце перестало тарабанить, как ненормальное, я, наконец, подняла голову.

И меня вновь окатило волной страха.

Вокруг сплошная темнота, я сижу на небольшом пяточке, который освещается луной. Та светит сквозь ветки, которые в бледном сиянии кажутся кривыми пальцами огромных чудовищ. Корзинка валяется рядом. Пирожки, видимо, рассыпались при падении, и внутри осталось всего три штуки.

В кустах впереди снова хрустнуло. С холодком мелькнула мысль, что это Грэм, который каким-то волшебным образом сумел меня выследить и догнать.

Но когда послышался глухой, утробный рык, сердце ухнуло и упало в пятки, горло перехватило.

Через секунду в листве показались два горящих желтым глаза.

Глава 4

Я обомлела и застыла. Во время дороги я была так погружена в мысли о Грэме, о своей судьбе и деревне, что забыла о настоящей опасности, которую таит Терамарский лес.

– Боги, помогите мне, – прошептала я, во все глаза тараща на два светящихся желтых пятна.

Раздался рык, и зверь с тихим шорохом выпрыгнул из кустов. В свете луны я увидела волка, размером с теленка. Черная шерсть блестит, глаза горят, а пасть оскалена, и из нее торчат клыки размером с ладонь.

Зверь медленно стал подходить. Я зажмурилась, не желая видеть, как гибель приближается в виде огромного волка. Потом услышала низкий, с хрипотцой голос.

– Красивая. И пахнет хорошо.

Я открыла глаза и быстро покосилась по сторонам, надеясь увидеть хозяина голоса. Но вокруг лишь темный лес и гигантский волк.

Сглотнув пересохшим языком, я приподнялась на локтях и поползла назад. Волк лязгнул зубами и резко прыгнул на меня, я взвизгнула, а звериная морда оказалась прямо перед лицом.

Он опустил голову и шумно втянул воздух. Снова раздался голос.

– Великолепно пахнет. Слишком хорошо пахнет.

– Пожалуйста, – проблеяла я, чувствуя, как по щекам покатались слезы. – Не ешь те меня...

Голос, чьего хозяина я до сих пор не определила, произнес:

– Я бы не стал тебя есть. Святые лисицы, о нет. Только не есть. С тобой следует делать совсем, совсем иное...

Я смотрела на волка круглыми глазами. Внутри всё тряслось, а от слез мир затуманился. Но до меня медленно стало доходить, что голос принадлежит ему, хотя волк даже не может шевелить губами. Только скалится и рычит.

Преодолевая ужас и оцепенение, я выдавила:

– Значит, вы не съедите меня?

Волк фыркнул и наклонил голову, как удивленная сова.

– Ты меня понимаешь? – раздался изумленный, хриплый голос.

Я шмыгнула носом и произнесла:

– Кажется... понимаю.

Волк попятился и остановился в шаге от меня. Некоторое время рассматривал, скользя взглядом по шнуровке, лицу, чулкам, которые видны из-под задравшейся юбки.

Потом лязгнул зубами так громко, что из кустов вспорхнула стая перепуганных птиц.

– Прекрасная ночь, – сказал волк, и я теперь была уверена, что это его голос. – Никогда у меня не было такой добычи. Это то, что нужно. То, что нужно.

Не смотря на ситуацию, мне захотелось прикрыть ноги, но шелохнуться не смела, боясь, что зверь передумает.

– Поднимайся и садись мне на спину, – приказал волк хрипло.

Когда представила, что придется приблизиться к этому чудовищу, меня забила крупная дрожь.

– Я не хочу... – прошептала я.

– Не залезешь по своей воле, – прохрипел волк, – посажу сам.

Дрожа, как осинка на ветру, я поднялась и расправила подол. Зачем-то подняла корзинку с остатками пирожков и вытерла щеки от слез. Они тут же снова помокрели.

Волк приказал:

– Смелее. Или хочешь остаться одна в Терамарском лесу? Поверь мне, красавица, с тобой случилось лучшее, что могло произойти.

В это верилось с трудом. Я в глуши Терамарского леса, вокруг ночь, тьма, а передо мной гигантский волк, которого я по неведомой причине понимаю, и который требует, чтобы села ему на спину. Тем не менее, всё это почему-то казалось лучше объятий Грэма.

Вздыхнув, как после долгой истерики, я сделала шаг к волку.

– Давай, – подбодрил он меня. – Девушка с таким запахом не должна меня бояться.

Я нервно сглотнула и проямлила:

– А что с моим запахом не так?

– Не так? – изумленно прохрипел зверь. – Всё так. Всё очень так. Садись, поехали. Я борюсь с противоречивыми желаниями, не испытывай судьбу.

Испугавшись, что он и впрямь передумает, я, наконец, приблизилась к волку. Он согнул передние лапы, а я кое-как вскарабкалась на спину. Пальцы моментально утонули в густой черной шерсти, а зверь проговорил:

– Держись крепче, красавица. Я быстро бегаю.

Едва закончил фразу, как мы сорвались с места, на встречу ринулись темные деревья и кусты. Чтобы не слететь с широкой спины, пришлось лечь и прижаться к могучей шее. Я чувствовала запах зверя, но он не был похож ни на один, какие встречала прежде. Если собаки пахли псиной, но от волка веяло деревом, землей и чем-то терпким.

Он несся, как дикий вепрь, перелетая расщелины, будто у него есть крылья, вилял меж стволов и подныривал под бревнами. Я с трудом понимала, что происходит, и начинала верить, что всё это сон, и вот-вот я проснусь в своей комнате, где уже идет приготовление к свадьбе.

Едва вспомнила о Грэме, как происходящее перестало казаться таким ужасным.

– Куда вы меня везете? – спросила я тонким голоском, цепляясь за волчью шерсть.

– Тебе понравится, красавица, – прорычал он.

– Вы меня похитили?

– О, да. Я тебя похитил, – ответил он. – Хотя это мой лес.

Поэтому похищение слишком громкое слово.

– Ваш лес? – переспросила я, откидывая косы, которые от мощных прыжков попадают в лицо. – Что это значит?

– Позже, – огрызнулся волк. – Объясню позже.

Мы мчались сквозь ночной лес, казалось вечность. Я всего раз сидела в седле, и тогда мне было очень неудобно, поскольку седло было жестким. Но сейчас подо мной мягкая волчья шерсть, и я с удивлением отметила, что не устала.

Мимо проносились поляны, деревья, какие-то светлячки, несколько раз волк скакал по камням, переправляясь через реки. Потом путь пошел вверх по мшистым валунам, и когда зверь остановился, я уже плохо соображала от многочисленных образов.

– Мы дома, – раздался вдруг голос.

Я оторвала щеку от покрытой шерстью шеи и глянула вперед. Перед нами раскинулась обширная долина, окруженная горами, в середине которой высится скопление скал. В свете луны они кажутся жутковатым замком, давно забытым и оставленным.

– Эта гора ваш дом? – спросила я, содрогаясь при мысли, что теперь придется жить в пещере и спать на холодном каменном полу.

– Присмотрись, – сказал волк.

Я прищурилась и попыталась взглядеться, но в темноте смогла рассмотреть лишь густые заросли вокруг горы.

– У меня не такое хорошее зрение, как у вас, – сообщила я тихо, и сжалась, боясь, что это рассердит волка.

Но тот мотнул головой и проговорил:

– У волков зрение тоже не очень. А вот обоняние и слух... Ладно. Подъедем ближе, поймешь.

Мы стали спускаться по отвесной стене в долину. Волк скакал с камня, а камень, как горный лев, а я при каждом прыжке охала и цеплялась за его шерсть.

Наконец, земля вновь стала ровной, и волк понес меня немного медленней, видимо, чтобы могла лучше рассмотреть окрестности. Но я видела лишь то, что освещено луной. Остальное же оставалось завешено плотной зловещей тьмой.

Но когда приблизились к горе, я стала замечать на ней темные провалы, напоминающие арки. А подъехав вплотную, увидела огромные ворота, выдолбленные прямо в скале. Створки из решетки толщиной с меня, но протиснуться сквозь них сможет разве что кошка.

– Это... – выдохнула я, задрав голову, – это... замок?

Послышалось довольное рычание волка.

– Лучший замок, какой тебе доводилось видеть, красавица, – сказал он.

– Если честно, – призналась я, – это первый.

Он хмыкнул, послышался лязг зубов.

– Первый это хорошо, – прорычал он глухо. – Люблю быть первым.

Едва подъехали к воротам, те распахнулись, и мы оказа-

лись внутри. Ворота тут же захлопнулись и слились со стенами, словно никогда не отворялись. Я думала, он спустит меня на землю, но волк пошел вперед, пересекая темную площадь. Потом мы оказались внутри, долго виляли среди коридоров, которые почему-то лишены освещения.

Наконец волк сделал несколько прыжков, отворилась какая-то дверь, и мы оказались в темной комнате. То, что это комната поняла по окну, из которого льется бледный лунный свет. Он высвечивает широкую кровать и до гладкости отполированный пол, на котором лежит медвежья шкура.

– Слезай, – проговорил волк.

Я сползла с его спины. Юбка при этом задралась, зацепившись за пояс и срамно оголила ноги вместе с чулками до самых бедер. Я спешно стала ее одергивать, а когда это удалось, обнаружила, что волк все это время пристально на меня смотрит.

Несмотря на то, что предо мной зверь, щеки вспыхнули от жара, и мне захотелось закутаться в самое плотное полотно, какие существуют в мире.

Волк, словно заметил мое смущение, хмыкнул и прошел на середину комнаты.

– Теперь ты живешь здесь, – сказал он. – Это твоя комната, твоя кровать и твои наряды. Завтра я покажу тебе замок. А сейчас есть дела поважнее.

Ненароком мелькнула мысль, что он всё же решится меня сожрать, но потом поняла – тогда ему некому будет показы-

вать замок.

Тем временем волк мотнул головой, затем ударился грудью о пол с такой силой, что захрустели кости. Я взвизгнула и зажмурилась, боясь пошевелиться.

Когда решила открыть глаза, обмерла на месте.

Пере до мной высокий мужчина с черными волосами до плеч, лицо хищное и волевое, глаза в темноте горят желтым. Лунный свет отражается на тугих мускулах, которые оплетают всё тело, и тонет в завитках на груди.

Этот мужчина совершенно нагой.

Он стоит передо мной прямо и спокойно, словно это для него самое обычное дело. Взгляд сама собой сполз ниже живота.

Я охнула и закрыла лицо ладонями. Прежде видеть обнаженного мужчину мне не доводилось, и теперь чувствовала, как горят щеки, а в груди колотится, как у перепуганной мыши.

– Тебе страшно? – спросил волк.

Я не знала, что ответить. Мне было страшно, меня трясло и будоражило. И я совершенно не ожидала, что мое желание не выходить за муж за Грэма обернется тем, что попаду в лапы оборотня. В них я не верила и считала сказками, которыми пугают детей. Но оборотень передо мной. Огромный, с мускулистым телом и абсолютно голый.

– Отвечай, – приказал волк резко.

Я пробормотала сдавленно:

– Да...

Послышались шаги, потом ощутила прикосновение горячих пальцев к руке, и волк силой заставил открыть глаза.

– Тебе не стоит меня бояться, – сказал он. – Как тебя зовут, красавица?

– Ша... Шарлотта, – ответила я дрожа.

В голове мигом всплыло все, что пытался сделать Грэм. И хотя я не до конца понимала его намерений, ясно было одно – они грязные и жестокие. А теперь передо мной зверь в человечесм обличии и надеяться, что он станет вести себя лучше глупо и наивно.

Волк наклонился к моим волосам и потянул носом.

– Шарлотта... – протянул он, словно изучает мое имя. – Как яблочный пирог с медом. Но пахнешь ты еще лучше. Лучше тысячи пирогов. Я Верген Джевехард. Хозяин этого замка, хозяин Терамарского леса и всего, что в него попадает. Я контролирую каждый шорох и каждый рык в этом лесу, так что даже не пытайся сбежать. Можешь называть меня Верген.

Я стояла и смотрела на оборотня круглыми глазами и чувствовала, как сердце готово вот-вот выпрыгнуть из груди. Стать невестой Грэма было страшно, ещё страшней было оказаться в Терамарском лесу. Но от осознания, что стала пленницей оборотня и властелина этого леса колени подкосились.

Я бы упала, если бы сильные, горячие руки волка меня не

подхватили. Несмотря на ужас, от его прикосновения прокатилась волна незнакомого жара. Я вся сжалась и застыла, боясь подать признаки жизни.

Волк осторожно положил меня на ложе и прилег рядом, оперевшись на локоть. Он всё еще оставался обнаженным, от чего мои щеки горели, как никогда прежде.

– Не бойся меня, Шарлотта, – повторил он. – Тебе бояться меня не надо.

– Но я боюсь, – прошептала я.

Волк наклонился надо мной и посмотрел прямо в глаза. От близости его тела я задрожала, а запах дразнил сильнее праздничного пудинга. От него учащалось дыхание, а по телу растекалось тепло и собиралось в районе живота.

– Если бы ты знала, как одуряюще пахнешь, Шарлотта, – проговорил он мне в лицо, – не боялась бы.

Его ладонь опустилась мне на грудь, и я сжалась. В голове пронеслись встречи с Грэмом, который, не церемонясь, вел себя грубо и самодовольно. Стало горько. Избежав одной страшной части, я угодила в другую, подбородок затрясся, а из глаз покатилося горячее.

Волк посмотрела на меня внимательно. Брови сдвинулись, между ними пролегла глубокая полоска, он проговорил задумчиво:

– Это иной страх. Не тот, который может испытывать передо мной девушка.

Я нервно сглотнула, а он продолжил:

– Ты напугана. Но не только мной. С тобой плохо обращались. Я вижу это по запаху. Поэтому сегодня ты будешь спать одна. Я тебя не трону. Это будет гарантом того, что можешь мне верить. За ночь отдохнешь и придешь в себя. Я хочу, чтобы ты отдалась мне сама. Мне нужно, что бы ты отдалась сама.

С этими словами волк отнял ладонь от груди и поднялся. Я видела, как он всё в том же нагом виде, играя тугими мускулами на ягодицах, пересек комнату и скрылся в дверном проёме.

Некоторое время я лежала, тяжело дыша и не веря, что мужчина добровольно не стал порочить беззащитную девушку, которая оказалась у него в руках. Жуткий зверь, которым он является, повел себя благородней Грэма, которому меня обещали в жены. Это не вязалось с пониманием реальности.

Забравшись на кровать с ногами, я сжалась в комочек и стала думать о том, как выбираться из этой каши, в которую попала, родившись в нашей деревне. Думала о матери, сбегавшей от бабки ради любви, но не позволяющей мне сделать такой же выбор. О Грэме, который жаждет удовлетворить лишь своих желаний, о ведьме Кирке, которая является моей бабушкой и которая по какой-то неведомой причине загорелась ко мне интересом... Но больше всего я думала об обратном, что с такой легкостью предстал передо мной нагим, словно это самое нормальное, что можно сделать рядом

с девушкой.

Его тело и впрямь было великолепным. С широкими плечами, тугими узлами мышц, что перекатываются под кожей, как сытые удавы. С узкой талией, на которой проступают мышцы, и животом с кубиками мускулов.

Когда вспомнила, что увидела ниже живота, в груди вспыхнуло.

– Срамно думать о таком, – проговорила я себе. – Приличные девы не должны допускать таких мыслей.

Но мысли всё равно лезли в голову, и с ними я заснула крепко и до самого утра.

Глава 5

Казалось, я проспала целую вечность. Когда проснулась, в окно доносились трели птиц, а лунная дорожка сменилась солнечной.

Я села на постели. Только теперь смогла оглядеться. Вчера вечером из-за пережитого ужаса и полумрака в комнате я видела лишь кровать, но сейчас взору предстала вся комната, и я затаив дыхание ползала по ней взглядом.

Она оказалась достаточно большой, чтобы разместить целую отару овец. Окно справа – широкая бойница без стекла, и воздух свободно проходит внутрь. Чуть дальше возле стены шкаф и небольшое трюмо с зеркалом и табуреткой. Слева гигантский камин, где догорают поленья.

Кровать, на которой сижу, широкая, словно рассчитана на четверых. Я заснула поверх шкур. Осторожно откинув одну, обнаружила пушистое одеяло, что значит, ночами может быть холодно. Между кроватью и камином широкая медвежья шкура, и я вздрогнула, представив, кем должно быть существо, способное убить такого огромного зверя.

Немного посидев на постели, я спустилась на пол и прошла к окну. За ним раскинулась живописная долина, деревья с раскидистыми кронами. Долина вместе с замком окружена горами, словно в колыбели. Со всех сторон доносится

щебетание, время от времени кто-то рычит, и всё говорит о гармонии и безмятежности. Сложно поверить, что это великолепие находится в Терамарском лесу.

– Невероятно... – прошептала я.

– Но придется поверить, – донеслось из-за спины.

Я резко оглянулась. В середине комнаты стоит волк, который вчера прямо в этой комнате превратился в человека и назвался Вергеном. Если вчера он был совершенно нагим, то сейчас на его бедрах висит килт в красно-черную клетку. Ремень черный, с серебряными клепками и волчьей головой на бляшке.

Сердцебиение участилось, в страхе я попятилась, но потом уперлась в подоконник и замерла.

– Я... не слышала, как вы вошли, – пролепетала я, во все глаза таращась на широкие грудные мышцы волка.

Медленно, словно хищник, выслеживающий добычу, волк стал приближаться.

– Когда нужно, я могу быть бесшумным, – сказал он. – Как спалось, красавица?

Когда он остановился в полушаге от меня, я инстинктивно отклонилась, забыв, что позади пустота, и вывалилась бы в окно. Но горячая рука крепко обхватила меня и притянула к себе.

По мне прокатились волны жара, страха и чего-то, чему название я не знала. Волк наклонился надо мной и стал скользить взглядом по лицу, потом сполз ниже, и меня опа-

лило, будто открыла заслонку в печи.

Его глаза сверкнули золотом, зверь шумно втянул воздух и сказал:

– Я спросил, как тебе спалось? Возьми за обыкновение отвечать, когда я спрашиваю.

Нервно сглотнув пересохшим языком, я проговорила едва слышно:

– Спасибо... Я хорошо спала.

– Прекрасно, Шарлотта, – довольно отозвался волк. – Я хочу, чтобы ты хорошо себя чувствовала.

Он оторвал меня от пола, словно вещь не больше кошки, и перенес на середину комнаты. Там поставил и, отшагнув, стал разглядывать, как корову на продажу. Он наклонял голову, то в одну, то в другую сторону, тёр подбородок, наконец, сказал:

– Этот наряд, конечно, довольно мил. Но я хочу, чтобы ты носила другое.

– Но это мое любимое платье, – немного осмелев, произнесла я.

Волк поднял взгляд, губы медленно и хищно растянулись в улыбке.

– Подаешь голос? – спросил он.

Я сжалась, вспомнив, как в деревне меня всю жизнь учили говорить только с разрешения или через поверенного мужа. Сейчас же посмела заговорить без разрешения, и теперь волк имеет полное право наказать меня за неблаговоспитанность.

В ожидании кары я зажмурилась. Но неожиданно щеки коснулись горячие пальцы, я резко открыла глаза и обнаружила лицо волка в сантиметре от своего. И без того трепещущее сердце, забилось, как пойманная в силки птица.

– Не бойся меня, Шарлотта, – проговорил волк внезапно охрипшим голосом и провел пальцами по щеке до самых губ. – Ты уже заметила, я не похож ни на одного человека, которых ты знала прежде. Я хочу, чтобы тебе было удобно. Всё в этой комнате твоё, и разговаривать ты можешь тогда, когда захочешь.

Его пальцы коснулись моего подбородка и, прежде, чем я успела опомниться, он коснулся губами моих губ. Меня словно прошило молнией, по телу моментально растекся жар и запульсировал внизу живота. Я помнила поцелуи Грэма, но ни один из них не вызывал ничего подобного.

Волк продолжал целовать. Постепенно его губы становились настойчивей, руки обвили мою талию, и я ощущала, как мелкая дрожь охватывает всё тело. Дыхание участилось, груди потяжелели, я в смятении застыла в объятиях волка.

К своему изумлению обнаружила, что мне нравятся его прикосновения, которые будоражат и вызывают неведомые доселе ощущения.

Неожиданно волк отстранился и, подув мне на лоб, проговорил:

– Я не ошибся в тебе, красавица. Ты так чувственна, хотя сама не понимаешь этого. Но мы всё исправим.

С трудом справившись с трепетом и дрожью, я произнесла сдавленным голосом:

– Вы намерены меня обесчестить?

– Обесчестить? – переспросил волк с усмешкой. – Поверь мне, Шарлотта, многие женщины мечтали бы о судьбе, которая досталась тебе. Начать с того, что я тебя не съел.

Вспомнив, что передо мной не человек, а оборотень, который вчера вечером выглядел, как гигантский чёрный волк, я вздрогнула и хотела отойти, но его руки крепко держали меня.

– Я вам за это очень благодарна, – проговорила я тихо. – Но обесчещенной деве не место среди честных людей.

Глова волка запрокинулась, обнажились крепкие, белые зубы и по комнате прокатился гулкий смех.

– Милая Шарлотта, – проговорил зверь, наконец, перестав смеяться, – во-первых, у тебя превратные понимания о чести. Во-вторых, я хочу, чтобы ты стала моей. Чтобы ты хотела стать моей. А в-третьих, зачем тебе возвращаться?

В том, стоит ли мне возвращаться в деревню, я уверена не была. Особенно после откровенных нападок Грэма, который, кажется потерял уважение к правилам и традициям и наплевал на честь. Но от моего путешествия зависела жизнь и благополучие деревни, поэтому сказала:

– Я отправилась через лес по делу. Мне необходимо вернуться в деревню.

– Это исключено, – резко произнес волк. – Ты никуда не

пойдешь. А если вздумаешь сбежать, мой лес вернет тебя обратно. Ты ведь понимаешь, что это мой лес?

Меня одолели смешанные чувства. С одной стороны – ответственность за деревню, в которой живут не только селяне, но и мои родные. С другой – надежда на жизнь вне её правил. Оба варианта имели изъяны, и я не знала, какой из них больше.

– Я понимаю вас, – наконец, произнесла я, кивая.

– Называй меня Верген, – сказал волк. – Тебе нужно привыкать к моему имени и к моей сути.

– Почему вы меня не съели? – неожиданно даже для себя спросила я.

Глаза волка сверкнули, как золотые монеты, он прищурился и улыбнулся, как хищный кот.

– Красавица, ты слишком ценна, чтобы просто тебя сожрать, – произнес он. – Поверь, тебе есть куда более интересное и полезное применение.

Я шумно сглотнула и, сжав пальцами юбку, проговорила:

– Я уже поняла. Вы хотите насильно сделать меня своей женой.

Верген оскалился, и мне показалось, он сейчас превратится в волка. Но его облик остался человеческим.

– Хочу. Сделать, – сказал он хрипло. – Но хочу, чтобы ты этого тоже хотела.

Покачав головой, я проговорила:

– Я воспитывалась в строгости. И только что избежала,

точнее отсрочила ужасную судьбу стать женой того, кого не люблю, и кто обращался бы со мной дурно. Поверьте, я не стану менять одно пленение, на другое. Я не стану женой того, кого не люблю.

Лицо волка исказилось яростью, брови сшиблись на переносице, ноздри раздулись, как у взбешенного быка, а глаза страшно загорелись жёлтым. В страхе я попятилась, ругая себя за то, что необдуманно разозлила зверя.

Он лязгнул зубами и прорычал:

– Мы будем над этим работать.

Я хотела спросить – над чем. Но побоялась, что он расвирепееет еще больше. А волк проговорил всё тем же рычащим и гневным голосом:

– Ты станешь моей по доброй воле. А сейчас смени наряд! Эта святая невинность мила, но не для тебя Единственное, что в нем годится – это плащ. Ты в нем так притягательна... красная шапочка... Его можешь оставить.

С этими словами он крутанулся на месте и решительно направился к шкафу. Открыв створки быстро порылся в нем и вытащил желтый сверток.

– Наденешь это, – приказал он. – А после начнем.

– Начнем что? – едва слышно спросила я.

– Начнем всё, – отозвался он и бросил мне сверток.

Я поймала налету и замерла, ожидая, что волк уйдет или хотя бы отвернётся. Но зверь стоял передо мной в своем клетчатом килте и выжидательно смотрел желтыми, как

солнце, глазами.

Чтобы скрыть смущение, я потупила взгляд, потому, что со стыдом осознала – на его мускулистое тело хочется смотреть неотрывно. Наконец, совладав с ощущениями, попросила:

– Вы не могли бы выйти?

– Зачем? – спросил волк.

– Вы ведь просили меня переодеться, – сказала я изумленно. – Я не могу предстать перед вами без одежды.

Волк фыркнул и проговорил:

– Ты же понимаешь, что это в ближайшей перспективе?

Но всё же вытащил из-за шкафа ширму и быстро выставил её между нами, огородив меня и трюмо с зеркалом. В щели между створками я видела, как он отошел обратно к шкафу и оперся плечом на угол, сложив руки на груди.

Зачем ему понадобились эти переодевания, я не понимала, но перечить зверю не было ни смысла, ни сил – при желании он может сделать со мной всё, что угодно. И если есть возможность хоть как-то его сдерживать, нужно ею пользоваться.

Вздохнув, я развернула сверток и охнула.

Внутри оказалось платье из нежнейшего шелка и ещё один сверток поменьше. Когда раскрыла его, щеки запылали, как вечерняя заря. Что такое чулки я знала, сама носила их под юбками. Но если мои чулки из грубой плотной ткани, чтобы грели и защищали от мозолей, то эти словно сотканы

из паутины. Белые тонкие, с изящным кружевом на верхнем крае.

Я таращилась на это чудо, не веря, что такое можно изготовить руками, а из-за ширмы донеслось:

– Надевай всё.

Вздвогнув, я стала стягивать с себя дорожное платье. Щели ширмы оказались слишком широкими, и я старалась спрятаться за створкой. Но почему-то было ощущение, что волк видит меня даже за ней.

Освободившись от одежды, я осталась нагая перед зеркалом. В нашей деревне зеркала были только у дочерей старосты, но маленькие, размером с блюдце. Я же сейчас видела себя почти в полный рост и совершенно обнаженную.

От этой картины меня охватило такое смущение, что закрыла лицо ладонями и некоторое время так стояла.

– Как успехи? – донесся голос волка.

Пришлось отнять ладони и проговорить:

– Надеваю. Уже надеваю.

– Очень хочу на это посмотреть, – отозвался волк.

Я стала осторожно, боясь порвать тонкую ткань чулок, натягивать их на ноги.

– Вы не могли бы сказать, зачем понадобилось меня переодевать? – спросила я краснея и пунцовея, глядя на свое обнаженное отражение в белых кружевных чулках.

– Охотно, – отозвался волк. – В этом платье тебе будет удобней. Ты невинна, и не представляешь, как на мужчину

действует облик женщины.

Я вспыхнула, хотя учитывая ситуацию, смутиться сильнее было уже нельзя, и проговорила, натягивая платье:

– Но откуда вы знаете... откуда... Что я невинна...

Волк усмехнулся.

– Не надо быть зверем, чтобы это понять, – сказал он. – Но даже если бы я по какой-то неведомой причине не понял, запах сказал бы за тебя. Хотя, Шарлотта, твой запах, это отдельная история.

Я, наконец, расправила платье и охнула. Срамнее одеяния я не то, что не надевала, а не встречала в жизни. Сшитое из нежно-желтого шелка, с пышной юбкой и второй юбкой из чего-то прозрачного поверх шелка. На поясе жемчужная вышивка. И все было бы целомудренно, если бы не глубочайший вырез и тонкие ляпочки. Вырез, отороченный белым кружевом, оказался таким глубоким, что грудь едва не вываливается из него. К тому же под ним вшито что-то вроде корсета, и грудь оказалась сильно приподнята.

Я попыталась подтянуть вырез повыше, но ткань не поддалась.

– Чую, ты готова, – проговорил волк.

– Я не уверена, что это весь наряд, – произнесла я, таращась на откровенно одетую деву с полными губами, голубыми глазами, золотыми косами и срамным вырезом в зеркале.

– Выходи, Шарлотта, – приказал зверь.

Хотелось прикрыть декольте платком или шалью, но та-

ковой под рукой не оказалось. Пришлось повиноваться.

Сунув ноги в туфли из тонкой ткани, которые обнаружила под трюмо, я вышла из-за ширмы. Глаза волка полыхнули. И без того хищное лицо, стало почти орлиным. Он провел языком по зубам и проговорила:

– Теперь ты одета достойно.

– Достойно чего? – опасливо спросила я.

– Не чего, а кого, – поправил меня волк. – Хотя и чего тоже. Достойно меня и моего замка. Идем, я покажу тебе его, а потом... покажу кое-что ещё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.